

Вырезка из газеты

ВОРОШИЛОВГРАДСКАЯ

ПРАВДА

от

24 МАЯ 40

Ворошиловград, Укр. ССР Газета № . . . .

КАКИМ ЧУДОМ?

Кому не приходилось видеть театрального зрителя в момент, когда в самый разгар действия вдруг слышится шумная возня или говор в зале? По адресу нарушителя тишины несется тогда сердитое шиканье. Зритель возмущенно ослернет шумливого соседа, все равно — будь то даже знакомый или лучший друг. Ни родство, ни дружба не могут оправдать надругательства над искусством. Есть, следовательно, вещи, которые не прощаются никому.

Зритель понимает актера, значение нормальных условий для успеха в его благородном творчестве, его место в борьбе за нашу советскую культуру, за формирование сознания человека социалистического общества.

Уродливо и одиноко выглядит на фоне этого теплого, любовного отношения к искусству и его работникам поведение деятелей театрального мира, подобных М. Журавлеву, стяжавшему худую славу своей безудержной грубостью и диким отношением к работникам искусства. Это не случайный зритель, на которого очевидно шикали бы весь зал. Это директор ведущего театра Ворошиловградской области — Театра оперы и балета.

Недавно на доске приказов появились два журавлевских произведения, явно противоречащих друг другу. В одном группе артистов выносятся выговор за опоздание на репе-

тицию, в другом — им же объявлялась благодарность, как лучшим производственникам. Очевидно, один приказ автор сочинял, закрыв левый глаз, а при сочинении другого — зажмурил правый. Музыкант Я. Валкин, как и многие другие, проукал оба сочинения, широко развел руками. Где же, мол, логика?

Неожиданно появившийся автор обвел своих читателей недобрым взглядом.

— Запрещаю читать! — на высокой унтерпришибеевской ноте крикнул он. И повторил:

— Запрещаю! Впрочем читайте — вам же будет хуже...

Плач, истерики в кабинете директора, в театре и за его кулисами прочно вошли в театральный обиход. Очень характерен случай с артисткой Киселевской. После окончания Киевской консерватории, ее направили в Ворошиловград. И вот за 9 месяцев она спела только партию Пастушки в «Пиковой даме». Не выставляя никаких причин, ее решили уволить. Суд восстановил ее на работе. Но когда театр собирался уже выезжать на гастроли, Киселевской объявили, что она не поедет. Почему? Толком ей этого так никто и не объяснил. Молодой певнище предоставили самой догадываться о причинах издевательств над ней. Решено истинно по-журавлевски.

Нет нужды перечислять всех выходов не в меру зазнавшегося, зачванлившегося директора, от которых покраснела бы даже бумага. Они зафиксированы во всей отталкивающей неприглядности в десятке актов обследования театра. Краткая формула всех выводов может быть выражена одной фразой: Журавлеву и его сподвижникам неуютны те, «кто служит делу, а не лицам». В послужной его список можно было бы записать и переходящую всякие грани грубость, и попытки выжить «строптивых» и многое другое. В общем делалось все, что противоречит здравому смыслу, этике, закону.

В здоровом в своей основной части творческом коллективе все же наблюдаются недопустимые в советском театре проявления богемы, пьянства, бытового разложения. Против этих нездоровых явлений не поднято общественное мнение. Об этих фактах говорят все, но говорят шопогом, с оглядкой. Об этом знает, не может не знать Журавлев. Больше того: не сам ли он поощряет нарушителей трудовой дисциплины, пьянство, богему? Да, поощряет.

Журавлев, разумеется, не чудодей. Каким же чудом Журавлев находится вне досягаемости?

М. ВАЛЕНТИНОВ.